

И. А. Грачев

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОХОРОННЫХ ТРАДИЦИЙ ПРЕДКОВ СОВРЕМЕННЫХ ХАКАСОВ В XVIII в.

Уже на первых порах научного изучения традиционных культур народов Сибири вопросу о погребальных обычаях уделялось самое пристальное внимание.

После окончательного присоединения к Российской империи территории «Кыргызской земли» в начале XVIII в. в рамках Буринского договора Кяхтинского мира (1727), устанавливавшего постоянную границу с Китаем, начинается детальное изучение новых территорий.

Концепция дисциплинарного государства XVIII в. [Фуко 2010] требовала получения упорядоченных, классифицированных и помещенных в таблицы и ландкарты сведений.

В 1717 г. по распоряжению Петра I для составления географического описания России по стране были разосланы анкеты, составленные Я. В. Брюсом [Элерт 1990: 16]. По свидетельству В. Н. Татищева (служившего тогда под началом Я. В. Брюса): «Оные, хотя в Сенат давно собраны, но как не весьма порядочны и достаточны были сочинены, так многие, туне лежа, погнили и распропали» [Татищев 1950: 79]. Как указывает Е. Г. Шапот, первые анкеты начала XVIII в. «охватывали небольшой круг вопросов, были методически не продуманными, а подготовка ответов на местах находилась на низком уровне» [Шапот 1962: 153].

Разработку первой научной программы комплексного (географического, исторического, этнографического) изучения страны Е. Г. Шапот, А. Х. Элерт и целый ряд других исследователей обоснованно связывают с именем В. Н. Татищева. Так, уже первая анкета, составленная в 1734 г., включала 80 вопросов по географии, истории, экономике, торговле, этнографии, метеорологии, флоре и фауне [Каменский 1985: 38–41]. В том же 1734 г.

Татищев составил новую анкету, куда вошло уже 198 вопросов [Татищев 1950: 79–95], в частности о том, «как хоронят своих покойников». Обе анкеты, как отмечает А. Х. Элерт, отличает энциклопедический характер поставленных вопросов, их четкость и краткость [Элерт 1990: 16].

Сохранилось несколько документов, на основе которых составлялись ответы на анкеты В. Н. Татищева. Один из них — «Сказка Красноярского сына боярского Ивана Нашивошника с товарищи», составленная в Красноярске в 1737 г. после посещения служилыми людьми аринской земли: «И как оные татары умирают, и тех мертвых облакут в то платье, в чем он ходил, и копают на высоком месте в ямы и засыпают землей, а на верх земли закладывают камнем. И над теми мертвыми чинят поминовение: пьют вышеописанное вино и бьют коня и то мясо над тем мертвым сварят и съедят, а голову и гриву, и хвост повесят над тем мертвым для знака и разъедутся по домам своим» [Потапов 1957: 181–182].

Другой документ такого же рода, составленный «служилым атаманом Мугунчаковым с товарищи», сообщает сведения о похоронных обрядах качинцев: «А оной народ, как умирает, то кладут в землю и землю не закапывают, только кладут сверху мертвого деревянный потолок и сверх того потолку закладывают камнем; и поминовение чинят над мертвым» [Там же: 183].

Имеется обстоятельная опись ответов Томского и Кузнецкого ведомств на запросы В. Н. Татищева. В этой описи приводятся как вопросы, так и ответы. Любопытно, что вопросы приводятся с примерами ответов, вероятно, такая форма анкеты была создана для облегчения труда информанта и корректировки уровня его понимания. Среди большого количества вопросов по географии, биологии, зоологии, истории, экономике и этнографии края некоторые были посвящены погребальному обряду: «Ежели каких умерших людей почитают, за какие их дела и в какой силе, особливую какую разницу между ими и Богом всевышним полагают? Какое свойство и состояние души, разумеют ли ея быть без смерти? По исшествии души от тела, где ей быть скажут? И нет ли их мнения, что душа, из тела исшед, в другое входит? И ве-

рят ли, что по смерти души за добродетель и злодеяние будет суд и воздаяние, то есть царство небесное или мука бесконечная? Каковы она воздаяния описуют? И хотя некоторые сказуют, яко о бессмертии души не знают, однакож поминовение умерших и клажи с мертвыми хлеба, денег, ружья и прочее доказывают, что они разумеют быть душу бессмертну. С мертвыми какой порядок во убрании и погребении, ибо она: 1) мертвых жгут и пепел в сосудех или просто закапывают; 2) в воду бросают или на деревья кладут; 3) на том месте мертвого в шелаше оставя, сами отходят; 4) в землю закапывая, кладут с ними лошадей, собак или лутчие его пожитки. И для чего то делают? Чем печаль изъявляют жены по мужам, дети по родителям и ближних родственниках? Яко например: негде жены сами себе при погребениях убивают; иные криком привеликим бьютца лица свои и волосы дерут; иные токмо воют, причитают его жизнь и любовь; иные тихим плачем и платьем печаль изъявляют» [Бородаев, Контев 2007: 20]. Несмотря на многократные усилия автора анкет, собранные материалы так и не были изданы при его жизни [Бородаев, Контев 2010: 13]. До сегодняшнего дня ответы на анкеты В. Н. Татищева остаются не вполне оцененными как уникальный источник по истории и этнографии народов Сибири.

В 1721 г. в целях научного изучения в Сибирь отправилась Первая академическая экспедиция. Хакасско-Минусинский край посетили Д. Г. Мессершмидт и сопровождавший его Ф. И. Страленберг. Дневниками Д. Г. Мессершмидта, хранившимися в рукописях в Академии наук [Вагн 1872: 12–13], пользовались участники всех сибирских экспедиций в XVIII и XIX вв. [Pleninger 1861: 159].

В 1726 г. на немецком языке вышла книга Ф. И. Страленберга «Предварительное сообщение о Великой Татарии и Сибирском царстве», а затем, в 1730 г. (также на немецком языке), — «Историко-географическое описание Северной и Восточной частей Европы и Азии». Труды Страленберга переводились в 1736 и 1738 гг. на английский язык, в 1757 г. — на французский, в 1780 г. — на испанский. На русском языке этот труд был напечатан впервые в 1797 г. под заглавием «Историческое и географи-

ческое описание полуночно-восточной части Европы и Азии». В числе прочих в этих работах приводятся и отдельные сведения о похоронных обычаях предков хакасов. В среднем течении Енисея Д. Г. Мессершмидтом и Ф. Страленбергом были открыты «енисейские надписи», большая часть которых является древнейшими эпитафиями, написанными по-тюркски.

Работы, начатые Первой камчатской экспедицией Академии наук, продолжила Вторая камчатская экспедиция. В 1735 г. в Красноярске побывал адъютант Академии наук и участник Второй камчатской экспедиции С. П. Крашенинников. Среди прочего в своих путевых заметках он оставил описание похоронных традиций подгородных качинцев: «Умерших татар иных в каменю хоронят, а иных, ежели при смерти сами прикажут, со всем их платьем и ружьем, которым они владеют, сожигают» [Крашенинников 1966: 61]. В 1739 г. Хакаско-Минусинский край посетили Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. Оба исследователя собрали обширный материал по географии, истории, этнографии и природе края. Задачи экспедиции приходилось корректировать исходя из первого полученного полевого опыта. В 1740 г. на основании первых результатов Г. Ф. Миллер составил подробную инструкцию для И. Э. Фишера, где, в частности, предписывалось фиксировать число погребений, их ориентацию, глубину, месторасположение сопутствующих покойнику вещей и т. д. [Там же: 30]. К этому же времени относятся и первые попытки классификации и типологизации полученных материалов. И. Г. Гмелин предложил первую классификацию древних и средневековых погребений, в числе которых были выделены «киргизские могилы с остатками сапог» [Белокобыльский 1986: 9]. Еще один участник Второй камчатской экспедиции Я. И. Линденау собрал этнографические материалы «О татарах, которые живут между Июсом и Томском» [Линденау 1983]. В своих заметках он обратил внимание на то, что у каждого рода имеется свое место захоронения — *Seku*, а также отметил, что кыргызы, в отличие от других, кремируют своих покойников [Линденау 1983: 147].

Следующим этапом в изучении похоронных обрядов народов Сибири стала Физическая экспедиция под руководством П. С. Пал-

ласа. Программа экспедиции учитывала опыт предшественников. Накануне отъезда в Сибирь П. С. Паллас тщательно изучил дневники Д. Г. Мессершмидта и инструкции Второй камчатской экспедиции [Осипов 1993: 8] и на основе последних, при активном участии С. Г. Гмелина, составил новую программу исследований. Отдельным пунктом в новой программе по настоянию Академии значилось: «описывать нравы, светские и духовные обряды, древняя повесть народов, обитающих в той стране, которую проезжать будут» [Там же: 10]. В своем труде, составленном на материалах экспедиции, П. С. Паллас дал описание разных способов погребений, связав их с отдельными племенными объединениями хакасов [Паллас 1770]. Значимой фигурой этой экспедиции стал ученик Карла Линнея и соратник Палласа И. Г. Георги. Результатом работы Георги явился фундаментальный труд, обобщивший весь этнографический материал того времени, — «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» [Георги 1796]. В своей работе И. Г. Георги разделил народы по их языкам на племена, выделив, в частности, народы *татарского племени*, а те, в свою очередь, разделил на *языческие*, *мугаметанские* и *христианские* [Там же: 8]. Еще одним классификационным признаком И. Г. Георги считал уклад жизни того или иного народа, разделяя их на *кочующих* и на *одном месте живущих* [Там же: 7]. К народам турецкого племени он отнес и предков хакасов: качинцев (*качинские татары*), бирюсинцев (*бирюссы*), сагайцев (*заянские татары*). Описав эти субэтнические группы, позже вошедшие в состав хакасов, как отдельные народы, И. Г. Георги тем не менее подчеркнул их схожесть в языке, верованиях и материальной культуре. Различия автор видел прежде всего в расселении, занятиях и погребальных обрядах. Схема описания народа, применявшаяся И. Г. Георги, выглядела следующим образом: самоназвание и названия народа; родовой состав; физиогномическое описание и этнопсихологические особенности; социальное устройство; уклад и занятия; одежда мужская и женская; повседневные обычаи; свадебные обряды; обряды, связанные с рождением; болезни и средства их излечения; погребальные обряды и верования.

Работа И. Г. Георги подвела итог всем научным усилиям XVIII в. в области народоописания, став эталоном описательной этнографии для многих поколений отечественных сибиреведов.

Подводя итог, необходимо прежде всего отметить программный упорядоченный характер работ, проводившихся на протяжении всего XVIII в. Так, уже на первых порах по всем городам Сибири рассылаются единые анкеты, в которых в краткой форме даются первые примеры унифицированных описаний. Программы совершенствуются, вырабатываются новые коды описаний, закладываются основы описательной этнографии. Применительно к погребальному обряду обозначаются такие блоки сведений, как: понятие о душе и ее бессмертии; причины смерти и приметы, ее сопровождающие; представления о загробном мире; описание погребальных сооружений, способов захоронения и обращения с умершим; состав погребального инвентаря и аксессуаров, связанных с похоронами; описание траура и поминок.

В области источниковедения применялся комплексный подход: помимо собственных наблюдений, использовались данные, полученные с помощью анкет, велась архивная работа в сибирских городах, проводились археологические раскопки.

Другим важным итогом этих работ стала преемственность научного опыта, выражавшаяся в непрерывности развития методов описаний и выстраивании научной проблематики. Так, одним из основных достижений описательной этнографии становится соотнесение способов погребения, типов надмогильных и внутримогильных конструкций с конкретными народами. В области интерпретаций имеющихся сведений появляются первые попытки использования сравнительного метода для анализа и синтеза полученных материалов.

Библиография

Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII — первая треть XX в.). Новосибирск, 1986.

Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от Античности до начала XXI в.). Барнаул, 2007.

Бородаев В. Б., Контев А. В. (авт. вступит. ст. и археограф. справки) Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. докл. СПб., 2010.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих. СПб., 1796.

Каменский А. Г. Историко-географическая анкета В. Н. Татищева // Советские архивы. 1985. № 5. С. 38–41.

С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири. Магадан, 1983.

Осипов В. И. Научное наследие П. С. Палласа. СПб., 1993.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1770.

Потанов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1894.

Страленберг И. Ф. Записки капитана Иоганна Фридриха Страленберга по истории и географии России. М., 1985–1986. Ч. 1–2.

Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

Шапот Е. Г. Анкеты В. Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 134–153.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.

Baer K. E. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. SPb., 1872.

Plieninger W. H. T. Johannis Georgii Gmelini Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum Carolo Linnaeo. Stuttgartiae, 1861.

Abstract

This article discusses the history of burial traditions among the ancestors of the contemporary Khakass. It is based on the analyses of the data collected during Siberian expeditions of the XVIII century.